

Отчитав сына, Тао Тин обратился к окружающим, извиняясь за непутёвое поведение отпрыска.

Се Сун с детства рос без отца и матери. Хотя о нём и заботился учитель, подобной отеческой нежности он никогда не испытывал. Глядя на Тао Фэйгуана, он чувствовал жгучую зависть.

Но не прошло и года, как мать Тао Фэйгуана скончалась, а вскоре Се Сун услышал, что Тао Тин женился вновь.

Се Сун поиграл с кисточкой на рукояти меча, на мгновение пожалев Тао Фэйгуана. Но затем вспомнил о своём собственном положении: преследуемый, вынужденный жить под чужим крылом. У Тао Фэйгуана, по крайней мере, отец жив — в любом случае ему куда лучше, чем мне, подумал Се Сун.

Поругав себя за излишнее сочувствие, он встал, подошёл к углу двора и снова встал на руки.

Осенью темнело рано. Во дворе зажглись фонари. Се Сун, прикинув по солнцу время, немного отдохнул. Когда он вышел из боковой комнаты, то увидел, как Цинь Шуан со свечой в руке собирается постучаться в дверь.

Постучав дважды и не получив ответа, она вошла, позвав Се Суна помочь.

За ней вошли несколько служанок с горячей водой и одеждой. Се Сун заметил, что они двигались совершенно бесшумно — явный признак наличия боевых навыков.

Цинь Шуан зажгла свечи в комнате, и тёплый жёлтый свет озарил помещение. На лежанке Лу Чэньби пошевелился, перевернулся на другой бок и прикрыл глаза рукой, что-то неразборчиво пробормотав во сне.

— Господин, пора вставать, — тихо сказала Цинь Шуан, подойдя ближе.

Се Сун ожидал, что Лу Чэньби будет капризничать, как это часто бывало в усадьбе, и его придётся долго уговаривать. Он уже мысленно готовился везти коляску быстрее, чтобы наверстать время. Но к его удивлению, Лу Чэньби просто отозвался и, опершись, сам сел на кровати.

— Сегодня мы пойдём пораньше, посидим немного и вернёмся спать, — ласково сказала Цинь Шуан, подзывая служанок с водой, чтобы помочь Лу Чэньби умыться.

Тот всё ещё бормотал что-то сонное. Лишь умывшись холодной водой, он немного протрезвел ото сна. Взглянув на Се Суна, он спросил:

— Ты пить умеешь?

— Умею, — кивнул Се Сун.

Лу Чэньби спросил снова:

— А насколько?

Се Сун на мгновение задумался, почесал голову и ответил:

— Ещё ни разу не пьянел.

— Значит, сойдёт, — заключил Лу Чэньби, кивнув и протягивая руки, чтобы Цинь Шуан

помогла ему одеться.

Когда одевание было закончено, Се Сун собрался подкатить кресло, но Цинь Шуан остановила его:

— Позже поедem в паланкине, кресло сейчас не понадобится. Просто отнеси господина ко входу во двор, носильщики уже ждут.

— И помни, когда выйдем, ты — Муянь. Смотри, не оплошай, когда я буду тебя звать, — сказал Лу Чэньби, дёргая его за волосы, пока тот нёс его на руках.

Се Сун кивнул, подтверждая, что запомнил.

— И не пялься на людей, а то заметят.

Се Сун снова кивнул, усадил Лу Чэньби в паланкин и спросил, не нужно ли накрыть ноги одеялом.

Лу Чэньби махнул рукой:

— Не надо. Чем раньше пойдём, тем раньше вернёмся.

Вдоль всей дороги горели фонари, слуги и ученики указывали путь. Гости из Усадьбы Мечного Сияния быстро добрались до места.

Се Сун ещё издалека заметил необычайно яркий свет, а по мере приближения услышал гул множества голосов. Добравшись, он увидел, что по обе стороны от входа стояли две огромные подставки для фонарей, на которых горело, должно быть, сотни свечей, озаряя всё вокруг светом, подобным дневному.

Интересно, сколько же серебра сгорит здесь за одну ночь, подумал он.

Встречающие были зорки. Заметив паланкин, они тут же послали кого-то внутрь с докладом. К тому моменту, как Се Сун вынес Лу Чэньби из паланкина и усадил в кресло, к ним уже подошёл встречающий.

Тао Фэйгуан сменил дневную ученическую одежду. На нём был длинный халат белого цвета с зелёной каймой и вышитым бамбуком, поверх — тёмно-зелёный верхний халат с узором из бамбуковых стеблей. Волосы венчала нефритовая шпилька и головной убор.

Он подошёл вперёд и поклонился Лу Чэньби:

— Господин Лу.

Лу Чэньби отозвался и велел вести его внутрь.

Тао Тин сидел на почётном месте в главном зале, беседуя с господином Фэн Чжэньяном, главой Дворца Изначального Хаоса. Увидев, как сын вводит гостя, он прервал разговор, и шумный гул голосов в зале мгновенно стих, воцарилась полная тишина.

Лу Чэньби сидел в кресле. На нём был халат гусяно-жёлтого цвета с облачным узором, поверх накинут тёмно-красный плащ с широкими рукавами. На голове красовалась золотая корона, украшенная рубинами.

Он постучал сложенным веером по ладони:

— Что это вдруг так притихли?

Се Сун подкатил кресло ещё немного вперёд, одновременно осматривая главный зал. Наверху располагались два почётных места, слева и справа от которых сидели представители Школы Беззаботных и Дворца Изначального Хаоса.

Школа Беззаботных и Дворец Изначального Хаоса были двумя величайшими школами боевых искусств Центральных равнин, связанными тесной дружбой. Более того, нынешние патриархи, познакомившиеся на одном из прошлых Собраний боевых искусств, выросли вместе, и их братская привязанность теперь была подобна родственной.

По обеим сторонам ниже сидели патриархи и главы различных школ и направлений, но присутствовали и некоторые известные странствующие мастера. Се Сун, бросив взгляд, узнал немало знакомых лиц. Первое место слева от Школы Беззаботных было пустым — очевидно, оставлено для Усадьбы Мечного Сияния.

Тао Тин и Фэн Чжэнъян поднялись. Тао Тин произнёс:

— Господин Лу, давно не виделись.

— Патриарх Тао, господин Фэн, — улыбнулся Лу Чэньби. — Как поживаете в последнее время?

В отличие от Тао Тина, Фэн Чжэнъян лишь кивнул Лу Чэньби в ответ. Лу Чэньби не придавал этому значения и просто велел Се Суну отвезти его на его место.

Когда он уселся, служанки подали чай. Лишь тогда Тао Тин снова спросил:

— Как здоровье вашей почтенной бабушки? В последний раз мы виделись два года назад.

— С бабушкой всё хорошо. Она даже писала, что хочет приехать посмотреть, — ответил Лу Чэньби, отхлебнув чаю и одобрительно приподняв бровь:

— Чай отменный.

Се Сун молча стоял позади Лу Чэньби. Тао Тин, заметив, что тот привёз с собой высокого мужчину, спросил:

— А это?

— Слуга, которого бабушка недавно для меня подобрала. Зовут Муянь. Теперь он также ученик нашей Усадьбы Мечного Сияния, — сказал Лу Чэньби и хлопнул по подлокотнику кресла:

— Что стоишь? Поклонись двум патриархам.

Се Сун сложил руки в традиционном приветствии. Лу Чэньби тут же добавил:

— Скучный он до невозможности, прямо как немой.

Тао Тин рассмеялся, сказав, что для юношей лучше меньше говорить да больше делать — так надёжнее.

Лу Чэньби улыбнулся и промолчал.

Поскольку Лу Чэньби прибыл позже всех, в главном зале посидели недолго. Вскоре слуга доложил, что пир готов, и все переместились в задний двор.

Двор был уставлен множеством подсвечников и светильников в виде деревьев. Даже ночью здесь было светло как днём. Лу Чэньби сидел за одним столом с Тао Тинем и его супругой, Фэн Чжэньяном и его учеником Фэн Лянем, а также с Почтенным Линъюнем из Дворца Духовного Облика и Мэй Ушуан из Усадьбы Сливового Журавля.

Дворец Духовного Облика величал себя Первым дворцом северо-запада. Его глава, Почтенный Линъюнь, в искусстве астрологии не имел себе равных во всём Поднебесной. Почтенный Линъюнь был прямым сыном Короля-Волка. Ходили слухи, что до пяти лет он не произнёс ни слова, но на пиру в честь своего пятого дня рождения внезапно заплакал и изрёк: «Река Чжао — словно зверь, пожрёт десятки тысяч человеческих жизней».

Спустя несколько дней пришла весть: река Чжао вышла из берегов, и выживших среди жителей обоих берегов — считанные единицы.

Позже тогдашний глава Дворца Духовного Облика, Почтенный Чимей, лично явился в усадьбу Короля-Волка, принял Линъюня в прямые ученики, и с тех пор тот проживал во Дворце Духовного Облика.

Другой же, Мэй Ушуан, был наследником Усадьбы Сливового Журавля.

Усадьба Сливового Журавля славилась на весь мир своим искусством ядов. Мать Мэй Ушуана, Госпожа Мэйхэ, была близкой подругой бабушки Лу Чэньби, несмотря на разницу в возрасте.

Лу Чэньби сидел рядом с Мэй Ушуаном, и они время от времени обменивались парой слов. Се Сун, стоя позади, улавливал обрывки разговора: о том, где самые красивые осенние хризантемы, или где в этом году крабы особенно жирные.

Мэй Ушуан был на несколько лет старше Лу Чэньби и в разговоре выражал искреннюю заботу о его ногах, уговаривая найти время зайти к нему, чтобы как следует прогреть ноги лекарственными травами.

Тао Тин, видя, что большинство гостей уже расселись, а Се Сун и Цинь Шуан всё ещё стоят позади Лу Чэньби, спросил, не нужно ли для этих двоих подготовить места.

Цинь Шуан взглянула на Лу Чэньби и, улыбнувшись, последовала за слугой. Се Сун же остался стоять на месте.

— А этот?

Лу Чэньби обернулся, взглянул на Се Суна и равнодушно сказал:

— Он сядет рядом со мной.

Новобрачная жена Тао Тина, сидевшая за столом, бросила на Се Суна взгляд. Она думала: за этим столом собрались первоклассные персонажи нынешнего мира боевых искусств, а этот мужчина — всего лишь слуга Лу Чэньби. По какому же праву он сидит с ними за одним столом?

Её взгляд был слишком откровенным. Лу Чэньби не был слепым и, естественно, заметил его. Он произнёс:

— Муянь представляет Усадьбу Мечного Сияния на Собрании боевых искусств. Я не вижу ничего неподобающего в том, чтобы он сидел здесь.

Сказав это, он повернулся к Тао Тину и спросил:

— Как вы считаете, патриарх Тао?

<http://bllate.org/book/15939/1424801>